

Оригинал бунтовал против Мо Чэна, потому что надеялся и разочаровывался. У него же к этому человеку не было никаких чувств, естественно, не было и таких сложных эмоций, как разочарование. Поэтому он опустил голову и тихо ответил:

— Отец, будьте спокойны, я не передумаю.

Мо Чэн холодно хмыкнул:

— Лучше бы так.

Мо Синь, слушая их обмен репликами и видя, как быстро всё решилось, чувствовал, что ненависть в его глазах почти материализовалась.

Его ногти впились в ладони, оставив глубокие следы, и лишь тогда он с трудом успокоился, снова поднял голову и с улыбкой спросил:

— Почему?

Мо Юньфэй смотрел на его лицо, на котором почти не было видно негативных эмоций, и просто восхищался им.

Но, как бы он ни восхищался, симпатии к Мо Синю у него не было, поэтому он нарочито переспросил:

— Что почему? Разве второй брат не рад за меня?

Мо Синь в душе хотел разорвать его лицо.

Очевидно же, что тот глуп и никчёмён. Почему с детства ему приходилось незаконнорожденным прятаться в маленьком домике, а этот человек мог открыто наслаждаться всем тем, на что и он имел право? И почему у него лицо красивее, чем у него?

Но Мо Синь с детства умел притворяться. Даже если в душе бушевала ненависть, внешне он оставался всё тем же послушным мальчиком:

— Я, конечно, рад за старшего брата. Просто если бы ты согласился с самого начала, отцу не пришлось бы так волноваться.

Мо Юньфэю хотелось аплодировать его самоконтролю.

Случись с ним такое в семнадцать лет, он бы, наверное, уже закатал рукава и полез в драку, не то что этот, такой сдержанный.

Но сейчас ему не семнадцать, поэтому...

Мо Юньфэй тоже рассмеялся и сказал:

— Мысли людей меняются. Раньше я жил слишком благополучно. Но за эти дни голодовки, балансируя на грани голода и смерти, я вдруг всё понял. Всё, что я имею сегодня, дала семья Мо, без семьи Мо не было бы меня...

От этих слов у Мо Юньфэя сводило зубы, но Мо Чэну нравилось это слышать.

Он всегда был самонадеян и совершенно не думал, что Мо Юньфэй может просто говорить

вежливые фразы.

— Хорошо, что ты понимаешь. И насчёт съёмки: раз уж ты согласился жениться на Тинцзюне, то сниматься больше не обязательно...

— Отец, — мягко прервал его Мо Юньфэй, — вы же не хотите, чтобы я жил в семье Шэнь нахлебником? Не волнуйтесь, я договорюсь со старшим братом Шэнем.

Мо Чэн был недоволен этой фразой, и его лицо уже не было таким благодушным.

Мо Юньфэй не дал ему возможности разозлиться, а с полуулыбкой посмотрел на Мо Синя:

— Не будем об этом. К счастью, мне удалось замять дело с голодовкой, иначе старший брат Шэнь, каким бы сговорчивым он ни был, вряд ли принял бы меня, верно? Второй брат, я знаю, что ты беспокоишься обо мне, но в следующий раз... если другие не заметили, что я сделал что-то плохое, не стоит рассказывать им об этом. Иначе это позор для нашей семьи Мо, верно?

Сказав это, Мо Юньфэй, не дожидаясь ответа, изящно поднялся наверх, вернулся в свою комнату, запер дверь и только тогда прислонился к ней, глубоко выдохнув.

Битва умов с Мо Сином — это слишком утомительно. Хорошо, что тому сейчас всего семнадцать, через пару лет он вряд ли был бы ему соперником.

Вспоминая свою хитрость в семнадцать лет... Стоит ли говорить, что Мо Синь — злобный второстепенный персонаж, доживший до самого финала? Уровень достойный.

Если помощники главного героя такого уровня, то неудивительно, что простодушный Шэнь Тинцзюнь не был им соперником...

При мысли о Шэнь Тинцзюне лицо Мо Юньфэя сначала слегка потеплело, а затем выражение стало серьёзным.

То, что он не узнал Шэнь Тинцзюня — не беда, ведь тот хороший человек и ничего ему не сделает. Но если он не узнал главного героя... тогда проблема серьёзная.

Раньше он думал, что сможет избежать основного сюжета, но факты доказали, что у него нет такой судьбы. Раз так, нужно подготовиться заранее.

Поэтому Мо Юньфэй сел за компьютер и быстро ввёл в браузере имя главного героя-гуна. Но, возможно, потому что сюжетная линия романа только началась, в интернете не было информации о главном герое. Мо Юньфэй был немного разочарован. Он хотел ввести название семейной компании главного героя, но обнаружил, что совершенно не помнит его.

Осознав этот факт, Мо Юньфэй мог лишь беспомощно закрыть ноутбук, планируя расспросить Шэнь Тинцзюня на выходных при встрече, а заодно... понаблюдать, можно ли спасти главного героя-шоу.

Пока Мо Юньфэй здесь размышлял о Шэнь Суцине, главном герое-шоу из книги, Шэнь Суцин тоже переживал о его делах.

Он верил во вкус своего брата, и с тех пор как умерли родители, он давно не видел Шэнь Тинцзюня таким счастливым.

Но...

[Брат, ты уверен, что действительно ему нравишься?]

[Не уверен.]

[???)

[Нельзя сказать, что не уверен. Очевидно, его чувства ко мне не романтические, а... как ты в детстве любил кукол.]

[...Брат, заткнись.]

[Раз так, почему ты ещё не расторг помолвку?]

[Но это интересно. Подумай, он считает меня красивой куклой.]

[...]

Шэнь Суцин, прочитав последнюю фразу, внезапно проникся глубоким сочувствием к незнакомому Мо Юньфэю.

Этого человека абсолютно точно обманула кроткая внешность его брата, абсолютно!

Впрочем, так даже лучше. Когда он тайком раскроет Мо Юньфэю истинное лицо Шэнь Тинцзюня, у него появится невестка, которая поможет ему бороться с Шэнь Тинцзюнем.

Это же его мечта с детства, даже думать об этом радостно!

[Кстати, Сяо Цин, освободи субботу и поедem со мной в семью Мо на ужин. Это будет официальная помолвка моя и Юньфэя.]

Узнав, что Шэнь Тинцзюнь собирается обручиться в субботу, да ещё и просто поужинав в узком кругу, Шэнь Суцин почувствовал желание постучать ему по голове, чтобы проверить, не полна ли она воды.

Нравится ему Мо Юньфэй или нет, или нравится ли он Мо Юньфэю, раз уж решили быть вместе, нужно проявить уважение и устроить торжество!

Поэтому вечером, когда Шэнь Тинцзюнь вернулся домой, Шэнь Суцин выразил протест против его легкомыслия.

Узнав о его мыслях, Шэнь Тинцзюнь не знал, смеяться или плакать:

— Разве тебе не нравился Мо Юньфэй?

Шэнь Суцин пробормотал:

— При чём тут, нравится он мне или нет? Поступать так — просто непорядочно!

Шэнь Тинцзюнь, видя такую реакцию, мгновенно избавился от большей части беспокойства об их отношениях:

— Ты прав, я действительно поступаю непорядочно. Но подумай, если мы сейчас устроим пышное торжество, а вдруг он потом пожалеет, как он начнёт новую жизнь?

Шэнь Суцин был шокирован его внезапной совестью:

— Брат, тебя подменили? С чего вдруг столько совести? Ты же с самого начала согласился на этот брак с мыслью о взаимной выгоде?

Шэнь Тинцзюнь и сам чувствовал, что слишком много думает.

Но вспоминая, как днём Мо Юньфэй серьёзно сказал ему, что слабое здоровье не имеет значения и он будет его защищать, он невольно смягчился.

— В общем, дело решённое, не задавай много вопросов. Когда Юньфэй переедет, его комната будет рядом с моей. Скажи тётушке, чтобы она обустроила её в соответствии с моим... нет, в соответствии с твоим вкусом.

Шэнь Суцин, привыкший к поручениям, без возражений махнул рукой, показывая, что понял.

Шэнь Тинцзюнь кивнул, встал и пошёл в кабинет, но по пути не удержался, свернул к комнате Шэнь Суцина и заглянул внутрь.

Его комната была в холодном минималистичном стиле, а комната Шэнь Суцина — в ярком мечтательном стиле. Мо Юньфэй, такой живой человек, наверное, предпочтёт... второе... да?

Пока семья Шэнь готовила комнату для Мо Юньфэя, Мо Юньфэй тоже начал собирать вещи в этой комнате, где прожил меньше десяти дней.

Оригинал знал, какие люди Мо Синь и Мо Чэн, а он знал это ещё лучше оригинала. Если оставить здесь важные вещи, рано или поздно они исчезнут, так что он обязательно должен упаковать всё и забрать с собой.

Впрочем... вещей у оригинала было действительно мало. Он осторожно перерыл всю огромную комнату и нашёл только две вещи, которые оригинал оберегал.

Одной из них был фотоальбом, в котором были фотографии оригинала и его матери. Некоторые фото были большими, квадратными, а некоторые — поменьше, с явно обрезанной частью.

<http://bllate.org/book/15595/1390293>